

18+

Валерий Железнов

Жизнь и
неудивительные
приключения
Модеста
Аристарховича

Валерий Железнов
Жизнь и неувидительные
приключения Модеста
Аристарховича

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63374068

ISBN 9785005180889

Аннотация

Герой этой повести – персонаж собирательный и не обладающий особыми талантами, но волею судьбы переживший все перипетии нашей страны. Его жизнь и неувидительные приключения очень показательны в историческом плане. Поколение читателей, рождённое в 21-м веке, узнает много интересного о жизни в Советском Союзе и постперестроечной России.

Содержание

Номо обусповеникус

5

Конец ознакомительного фрагмента.

25

Жизнь и неувидительные приключения Модеста Аристарховича

Валерий Железнов

© Валерий Железнов, 2020

ISBN 978-5-0051-8088-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Homo obuscovenicus

Ещё до своего рождения Модест Аристархович знал, что бог даёт (что именно он даёт, конечно же, не догадывался) тем, кто рано встаёт, а потому решил родиться рано утром, чем доставил своей матушке очень неприятную предродовую ночь.

За такую решимость и твёрдость намерений мама Модеста Аристарховича на него не только не обиделась, но ещё больше полюбила. Она, вообще, была уверена, что её сын будет гением, ибо отец будущего гения совершенно не обладал никакими талантами и служил фининспектором в «Райторге».

Сразу же после появления на свет Модест Аристархович громогласно принёс всем присутствующим, и своей матушке, в том числе, искренние извинения за причинённые неудобства, но тут же предупредил, что неудобства будут повторяться регулярно и довольно часто. А чтобы предупреждение не выглядело голословно, продемонстрировал одно из неудобств прямо на халат врача-акушера.

Уже в роддоме Модест Аристархович усвоил главную жизненную истину: «Не верь, не бойся, не проси». Не верил, когда с ним сюсюкались: «А кто это у нас такой красавчик?».

ибо, ни разу не увидев себя в зеркало, подсознательно догадывался, что родители его и предки по обеим линиям красотой не отличались. Не боялся потому, что в роддоме и бояться-то нечего было. И не просил, так как всё равно раньше времени не накормят. Когда младенцы вокруг него орали, чего-то требуя, на что-то жалуясь, он откровенно, но молча, их презирал за непростительную наивность.

В бога Модест Аристархович поверить не успел. Неверующими были и его родители. Но креститься ему всё равно пришлось. Истово верующая бабушка отказывалась водиться с некрещеным внуком. Впрочем, Модест Аристархович не стал безропотно терпеть обряд, проводимый без его собственного одобрения. Для начала он заявил о несогласии истеричным воплем, а когда действия это не возымело, просто взял и нагадил в купель. Батюшка, возмущённый таким неслыханным богохульством, выругался матом прямо в святом храме и убежал блевать. И сие обстоятельство ещё более укрепило Модеста Аристарховича в его безбожии.

Впрочем, детство Модесту Аристарховичу досталось очень даже счастливое, ибо родился он не в нищей африканской стране, не в государстве богатого, но «загнивающего» капитализма, а в «самом прогрессивном» социалистическом сообществе мира. Правда, название несколько смущало – СССР, ну да ладно, не в названии дело. Лишь бы жить бы-

ло хорошо. А жилось Модесту Аристарховичу и вправду замечательно. Государство бесплатно заботилось о его здоровье и оберегало от морального разложения, ограничивая потребление всяких очень вредных лакомств, включая и продукты зарубежной культуры. Родители его любили и заботились по мере своей скромной зарплаты. Как только подошёл срок, определили в ясли, потом в детский сад. С семи лет перед ним распахнулись гостеприимные двери школы, а впоследствии и института. И всё это, заметьте, практически бесплатно.

В ясельном возрасте Модест Аристархович очень любил мечтать в компании своих приятелей, оседлав горшок в санитарной комнате дошкольного заведения. От затянувшихся мечтаний на горшке часто происходило забавное прилипание к оному. Модест Аристархович быстро сообразил, что можно развлечься сим явлением. Однажды он встал вместе с горшком на заднице и стал пугать своих «коллег», пятась на них задом. Сначала веселился он, а когда горшок внезапно отлип, испачкав содержимым одежду, ноги и пол, смеялись уже над ним. Все хохотали и кричали: «Фу, фу! Засеря!» Нянечка, ругаясь, вымыла его бледную попу с круглым ярко-розовым следом от горшка, застирала испачканные вещи, и повесила их сушиться. А самого Модеста Аристарховича воспитательница поставила в угол, где он спокойно отстоял двадцать минут, продолжая мечтать уже в одиноче-

стве.

В детсадовском возрасте Модест Аристархович познал ещё одну нелицеприятную сторону жизни. На одном из семейных застолий, когда взрослые уже не могли его контролировать, он по-взрослому «принял на грудь» целую рюмку портвейна. Сначала почти ничего не произошло, просто уснул быстро, а вот уже в садике приключился настоящий «бодун», или по-простому «отходняк». Блевал Модест Аристархович тоже по-взрослому, спрятавшись в зарослях барбариса. Впрочем, запойным алкоголиком он так и не стал, а первый опыт винопития быстро забылся.

В детском саду Модест Аристархович очень любил пряники с молоком. Впрочем, любил он их и потом. Правда, молоко давали кипячёное, и многие дети его не пили из-за противной пенки. Но Модест Аристархович быстро понял, что если пенку выбросить, то молоко вполне даже приятное, а с пряником тем более. Так что за раз он мог осилить до трёх стаканов молока с пряниками своих приятелей, не обладавших таким аппетитом, а потому отдававших ему лакомство добровольно.

Кстати сказать, Модест Аристархович всегда отличался завидным аппетитом, и потому его первым словом было слово «исть», что означало кушать. А тех, кто хорошо кушает,

любят нянечки, повара и мамы друзей, которые ставили его в пример другим детям: «Смотри, как Модя хорошо кушает. А ты?» Впоследствии, «исть» за государственный счёт, но уже в более широком смысле, стало самым главным занятием Модеста Аристарховича. Как, впрочем, и многих его сограждан.

Когда Модест Аристархович ходил с мамой в баню, ни один мускул в его теле не напрягся при виде обнажённых женских тел.

Иногда Модесту Аристарховичу доводилось оставаться в детском саду на «круглые сутки», то есть ночевать. Мама его в это время работала в вечернюю смену, а папа уезжал, как часто бывало, куда-нибудь с инспекторской проверкой. Когда всех оставшихся детей, укладывали спать, Модест Аристархович долго не засыпал и «смотрел кино». По улице проезжали машины, и свет их фар, проникая сквозь кустарник и незашторенное окно, создавал причудливые световые пятна на противоположной стене. Это и называлось «смотреть кино».

Вообще, Модест Аристархович любил ночевать в гостях. Иногда папаша его, воротясь из очередной инспекторской поездки в состоянии далёком от трезвого, устраивал дома скандал со сценой ревности. Чтобы избежать эскалации кон-

фликта и избежать физических оскорблений, мама хватала Модеста Аристарховича в охапку и бежала ночевать к подружкам. Пробовали ночевать у папиной мамы, но она не очень осуждала действия сына. Однажды осенью даже пришлось ночевать в новой районной библиотеке. Здание уже подключили к отоплению, а сама библиотека туда ещё не переехала. Ну, а как проникнуть внутрь Модест Аристархович со своими друзьями уже разведал заранее.

С беззаботным пребыванием в детском саду Модесту Аристарховичу расставаться было грустно. Что ни говори, а в этих стенах прошла большая часть его жизни. Нянечка, которая когда-то мыла ему попу, даже уронила старческую слезу и поцеловала его в русый чубчик. А воспитательница, которая когда-то ставила его в угол, подарила всем выпускникам старшей группы коричневые портфели с полным набором школьных принадлежностей.

Впереди смутно маячила новая жизнь, полная неожиданностей и непонятных предчувствий.

Первого сентября в новенькой школьной форме серого цвета Модест Аристархович с тревогой и любопытством взирал из-за огромного букета цветов на происходящее в школьном дворе. На крылечке старой деревянной школы стоял директор и, явно фальшиво, радостно приветствовал новых учеников. Другие выступавшие тоже неискренне че-

му-то радовались. Без мамы, без нянечки, без воспитательницы стоять в ряду, таких же, как он первоклассников, было немного грустно. Но любопытство, всё же, пересиливало все опасения.

Школа несколько огорчила Модеста Аристарховича своей строгостью и дисциплиной. Собственно ничего страшного не произошло, но кое-какие опасения подтвердились. А, кроме того, одноклассники мгновенно восприняли его фамилию как готовую кличку. Даже Вера Анатольевна сдержанно улыбнулась, прочитав его фамилию. И лишь теперь он понял, что фамилия Лавандов, действительно, очень похожа на прозвище.

Однако самого Модеста Аристарховича удручало не превращение фамилии в кличку, а то, что нормальной клички ему не досталось. Вот у других детей были нормальные прозвища. Например, Машу звали Муха потому, что Мухина. Серёжу сразу окрестили Серым. Толика называли Тяпа потому, что растяпа. Веру Анатольевну все шёпотом называли Совой за большие круглые очки. А ему только заменили последнюю букву и звали Лавандос.

Учёба в школе требовала от Модеста Аристарховича беспрецедентного самоотречения, но ломать устоявшиеся привычки он очень не хотел. Сидеть долгое время в одной позе было невыносимо. На переменах было запрещено бегать

и кричать. А ещё, и о, ужас, учиться надо было даже дома. Это называлось «домашнее задание», или «домашка». Но Модест Аристархович и здесь нашёл выход. На уроках он тихо мечтал, глядя в окно, а «домашку» старался сделать как можно быстрее, чтобы поскорее убежать гулять. Поэтому в начальной школе Модест Аристархович числился почти самым худшим по успеваемости при удовлетворительном поведении. Пожалуй, единственным предметом, который он полюбил, было пение. Пел он с удовольствием.

Лучшим способом «сачкануть» оказалась болезнь. Модест Аристархович совершенно бессовестно пользовался материнской любовью, притворяясь больным всякий раз, когда ему особенно не хотелось в школу. И, надо признать, этот метод часто приносил свои плоды, тем более что и настоящая ангина посещала его чаще других. Болеть Модесту Аристарховичу нравилось намного больше, чем ходить в школу. Это почти как пряники с молоком.

В больнице он бывал почти по расписанию, ангина приходила два раза в год, так что все врачи и сёстры детского отделения встречали его, как родного. Модест Аристархович не оставался в долгу у добрых докторов и по первой же просьбе забирался на табурет, чтобы исполнить очередную популярную песню, заученную по радиотрансляции. Пел он громко, насколько позволяла ангина, и с выражением. Можно сказать, он даже не пел, он играл роль. За это персонал

и больные, приходившие на «концерты» из других отделений, награждали его бурными аплодисментами и... конфеткой.

А ещё одним, вполне законным, способом прогулять уроки были морозы. Когда столбик термометра падал до -37° , занятия в школе отменялись с первого по пятые классы, а при понижении до -42° в школу не ходили уже все остальные. По радио в таких случаях раздавались позывные местного радиоузла, и делалось соответствующее объявление. Это для Модеста Аристарховича была самая лучшая музыка. Можно смело забросить портфель и бежать на улицу к друзьям. Для мальчишеских игр никакой мороз не помеха.

По причине неуспеваемости Модеста Аристарховича даже не хотели принимать в октябрята. Пришлось самоотверженно исправлять все двойки, чтобы октябряцкая звёздочка с детским портретом вождя мирового пролетариата засияла на гордо выпяченной груди. И лишь одно огорчало, что у него, как у большинства, была металлическая звёздочка, и он завидовал тем, кому родители достали звёздочку из красного прозрачного пластика с круглой маленькой фотографией кудрявого мальчика Володи Ульянова.

Однажды двоюродный брат Модеста Аристарховича, по старшинству решил серьёзно взяться за образование своего

младшего брата. Как-никак на четыре года старше!

Чтобы никто не мешал, «домашку» они делали в бабушкиной бане при свете керосиновой лампы. Брат строго следил за правильностью выполнения всех упражнений и решенных задач. В заключении всё тщательно проверил и, наконец, отпустил измученного, но «просветлённого» братца.

На следующий день Модест Аристархович схлопотал «двойки» за каждое из домашних заданий, выполненных под бдительным контролем старшего брата.

Но школьная жизнь постепенно вытесняла детсадовские привычки, и Модест Аристархович даже начал ощущать некий вкус к учёбе. К третьему классу наметились несомненные успехи в гуманитарных и прикладных науках, таких как, уже указанное ранее, пение, рисование, природоведение, физкультура и уроки труда, на которых Модест Аристархович лучше всех пришивал пуговицы.

Однажды Модест Аристархович попробовал апельсин. Его тётя из города привезла всем племянникам такой гостинец. Апельсин очень напоминал мандарин, однажды полученный с новогодним подарком в детском саду, но был просто огромный, как детский резиновый мячик. Только цвет гораздо красивее, и пах он намного приятнее, чем мячик.

Модест Аристархович не стал есть свой апельсин сразу, а распираемый гордостью, прошествовал через половину се-

ла к себе домой, неся в руках невиданный заморский фрукт. Одна тётенька даже поинтересовалась: «Где это продают?». На что Модест Аристархович гордо ответил: «Это апельсин! Его не продают, его дарят!»

Кстати, о подарках. Самым лучшим праздником Модест Аристархович считал Новый Год. Даже день рождения не приносил столько радости. Ведь день рождения празднуется один раз и только дома, а Новый Год целых четыре раза: в детсаду, или в школе, у мамы на работе, у папы на работе, и ещё в Доме Культуры. Четыре дня – четыре подарка!

Но во втором классе Модест Аристархович неожиданно раскрыл страшную тайну. Оказывается, под шубой сказочного дедушки скрывается обыкновенный дяденька, а Снегурочка – это обычная молодая тётенька. И понял это Модест Аристархович, когда обнаружил на левой руке Деда Мороза обычные часы с кожаным ремешком, а Снегурочка, вообще, курила в коридоре. Это был жестокий удар по мировоззрению Модеста Аристарховича. Однако сам праздник ещё долго оставался самым главным.

С чувством полной ответственности за оказанную ему честь, Модест Аристархович с особым выражением повторял слова пионерской клятвы, прежде чем пионерважательный повязал на его шее красный галстук. Это было уже в третьем

классе. Это был уже существенный рост.

А кроме всего прочего в школе оказалось много незнакомых девочек, которые игнорировали знаки внимания щупленького и некрасивого Модеста Аристарховича. Нет, конечно, он никогда не забывал свою прежнюю детсадовскую подругу Анечку, но они теперь учились в разных школах, встречались очень редко, а вот Леночка, из параллельного класса, всё больше овладевала его думами. Леночка, несомненно, была самой красивой девочкой в третьих классах, а потому Модест Аристархович очень долго робел перед ней и ужасно боялся предложить ей свою дружбу. В знак особого расположения он дёргал Леночку за косичку и делал вид, что пытается убежать от возмездия, но портфель избранницы обрушивался на спину «обидчика», отчего воспарившая душа Модеста Аристарховича ликовала.

К окончанию третьего класса Леночка снизошла до Модеста Аристарховича и позволила ему присутствовать при своей особе, ибо она была дочерью директора «Райторга» и главного врача районной больницы. Он же был вне себя от счастья, когда провожал её после школы домой, неся сразу два портфеля. Друзья смеялись над ним, едко обзывались: «Жених, Жених! Таскатель девчачих портфелей! Ага, влюбился, влюбился!» – но Модест Аристархович стойко переносил все моральные трудности ради своей «любви».

Когда в одиннадцать лет Модест Аристархович впервые увидел фотографию обнажённой молодой женщины, в детской душе его что-то сладко затрепетало. И пусть это была потрёпанная и не очень качественно исполненная игральная карта, Модест Аристархович заподозрил, что в этой жизни есть вещи намного приятнее пряников с молоком и даже апельсинов. Хотя... одно другому не мешает.

Когда-то в далёком детстве, посещая с мамой женское отделение сельской бани, Модест Аристархович так не считал. Ах, как же он тогда был молод, наивен и неопытен.

Модест Аристархович прятал эту карту в самом укромном месте на чердаке родительского дома и, тайком любуясь красотой обнажённого женского тела, мысленно подставлял лицо Леночки вместо изображённого на фото.

Увы, ни стать женихом Леночки, ни влюбиться в неё по-настоящему, ему было не суждено. Жизнь, распорядилась Модестом Аристарховичем по-своему. Его грандиозные планы на будущее бесцеремонно разрушила жестокая размолвка родителей. Матушка забрала сына и отправилась к своим родителям в далёкий таинственный город Ленинград. Когда-то, в далёком сопливом детстве Модест Аристархович уже побывал в гостях у маминой мамы и папы, но это было так давно, что подробности того путешествия лишь обрывками всплывали в памяти. Теперь вновь предстояло дли-

тельное путешествие на поезде почти через всю огромную страну, и Модест Аристархович решил, что во всём происходящем, кроме неприятностей можно найти множество положительных моментов.

За окном поезда мелькали поля, леса, с грохотом мостов проносились реки. Поезд неожиданно нырял в тёмные тоннели, и так же неожиданно вырывался на свет. Модест Аристархович с нескрываемым любопытством разглядывал незнакомые города и полустанки, на перронах которых бабушки продавали горячую варёную картошку и солёные огурцы.

Всё было интересно и необычно. Кстати, непонятно было, почему мама говорила всем, что ему только десять лет, хотя на самом деле он был гораздо старше – целых двенадцать. Что-то там с билетом связано, но это интересовало Модеста Аристарховича гораздо меньше, чем виды за окном.

Пересадка в Москве ошеломила Модеста Аристарховича. Такого количества народа, как на «площади трёх вокзалов» он не видел никогда. Даже на первое сентября у школы собиралось меньше! Пожалуй, все жители его родного села не смогли бы составить такой толпы. Но во всём этом скоплении людей сильнее всего поразил один человек. «Модя, смотри!» – осторожно сказала мама и направила взгляд сына в нужную сторону. Там стоял огромный негр, чёрный, как

уголь, с выпуклыми белыми глазами и толстыми коричневыми губами. На голове этого гиганта мелко кучерявились чёрные проволочные колечки.

Не то чтобы Модест Аристархович не знал о существовании негроидной расы, в школе рассказывали, что в Африке живут другие люди, но вот так рядом увидеть живого негра... Это, знаете ли, не для слабых нервов.

Это событие в очередной раз подтвердило догадку Модеста Аристарховича, что не всё в жизни так просто и понятно, как кажется на первый взгляд.

В ожидании поезда на Ленинград мама Модеста Аристарховича решила скоротать время в кино, тем более что в ближайшем кинотеатре демонстрировался новый фильм «А зори здесь тихие». Сцену в бане тогда ещё не вырезали, и Модест Аристархович получил неизгладимое впечатление от просмотра. Оно было гораздо сильнее, чем от изображения на потрепанной игровой карте. Сюжет фильма плохо запечатлелся в его памяти, а вот банная сцена запомнилась навсегда. Это было круче похода в баню с мамой. И ещё... до слёз было жаль Женечку.

После столицы Ленинград совершенно не напугал Модеста Аристарховича своей шумной сутолокой вокзала, пахнущего дёгтем и угольным дымом, но зато восхитил «лесенкой-чудесенкой». А ещё успело броситься в глаза уличное

освещение ночного города и его цветные светящиеся вывески. Такого количества фонарей в родном селе невозможно было даже представить. Хотя, всё-таки, «лесенка-чудесенка» – это было нечто неопишимо великолепно и, действительно, чудесное.

Потом ещё много раз Ленинград удивлял Модеста Аристарховича, но эта встреча запомнилась именно светом, эскалатором и особым запахом станции метро.

Модест Аристархович очень любил газировку за три копейки, и потому полной неожиданностью для него оказались ряды стаканов на автоматах. Никто их в Ленинграде не воровал!

А ещё в Ленинграде жили удивительно добрые люди. Модест Аристархович плохо знал город, а потому часто спрашивал дорогу у прохожих, или у милиционеров. И никогда не получал отказа. Всегда ему подробно объясняли путь, а некоторые даже провожали до нужного места.

А Эрмитаж! А «Аврора»! А военно-морской музей! А ТЮЗ! А ЦПКиО им. С. М. Кирова! И везде пирожки с повидлом за пять копеек и газировка. Да таких удовольствий Модест Аристархович и представить себе не мог. А тут, пожалуйста, и сколько угодно!

Но в новой школе отношения налаживались не сразу и с большим трудом. Во-первых, оказалось, что деревенский, по уровню знаний, был выше местных «хорошистов», и тем это сразу не понравилось. Во-вторых, многие смеялись над его сибирским говорком. Язык русский один, а говорили они, оказывается, по-разному. В-третьих, конечно же, фамилия. Кликуху опять не пришлось придумывать. И, в-четвёртых, совершенно невыдающаяся внешность. По этим, и не только по этим причинам, а просто так, местные двочники, под предводительством хулигана и второгодника из седьмого класса, взяли Модеста Аристарховича «под свою опеку». Нет, не били, но до того мерзко издевались, что лучше бы уж били.

Полтора учебных года в этой школе так и прошли в непрекращающемся противостоянии Модеста Аристарховича с шайкой недоумков. Он не просил пощады, не поддавался их власти и, как только мог, старался не бояться. В отчаянии бросался на обидчиков с кулаками, но ничего не получалось. Их было больше, они были сильнее.

Лишь однажды Модест Аристархович проявил слабость и повёл себя не по-пацански. Стыдно признаться, но он, со слезами на глазах, пошёл жаловаться завучу. Впрочем, эффекта это не произвело, и он опять остался наедине со своей проблемой.

Друзья, вроде как, были, но предпочитали не вмешивать-

ся в локальный конфликт. Наверное, вовсе и не друзья они были.

Надо признать, что, несмотря на моральный прессинг, Модест Аристархович преуспел в освоении наук и прочно обосновался в рядах «хорошистов».

Если в школе отношения со сверстниками складывались не лучшим образом, то, впервые попав в пионерский лагерь, Модест Аристархович мгновенно обзавёлся новыми приятелями и даже стал для многих лидером. Это произошло как-то самопроизвольно благодаря его смелости и находчивости. «Не верь, не бойся, не проси» всё же произвело нужный эффект.

И даже девочка Катя, которая была на голову выше Модеста Аристарховича, первой пригласила его на танец.

Увы, в этом пионерском лагере Модесту Аристарховичу больше побывать не удалось. Приятели быстро потерялись и даже девочка Катя, после короткой переписки тоже пропала из его жизни.

Летом приехал отец. Мама всё простила. И вновь Модест Аристархович любовался видами бескрайних просторов родной страны под размеренный стук вагонных колёс.

В седьмой класс Модест Аристархович пошёл уже в другую школу, и именно в ту, где училась его давняя подружка.

ка Анечка. Семья его поселилась не в том доме, где раньше, а в комнате при конторе, где работал отец. Зато совсем рядом с домом Анечки и школой.

Встреча с давней подружкой произошла первого сентября на школьной линейке. Модест Аристархович ожидал чего-то большего, а вышло всё как-то скромно и буднично.

– Привет, Аня.

– Привет. Вернулся?

– Ага.

– Теперь в нашей школе?

– Ну, да.

– А класс у тебя какой?

– 7А.

– Значит в параллельном?

– Ну, да, в параллельном.

– А живёшь ты теперь где?

– А в конторе отцовской, комната там.

– А, понятно. Ну, давай, вон ваш класс уже строится.

– Ага, давай. Пока.

Из школы Модест Аристархович возвращался в одиночестве, а Анечка с подругой шла далеко впереди, иногда украдкой оглядываясь на него. Понятное дело, стеснялась проявить свою заинтересованность, но и он не на высоте оказался.

И опять совершенно неожиданно выяснилось, что Модест

Аристархович по уровню знаний до «хорошистов» не дотягивает. Его сельские одноклассники значительно опережали ленинградских школьников по уровню образования. И этот факт не только сильно расстроил его самого, но и удивил учителей. Пришлось Модесту Аристарховичу поднажать на науку, чтобы выглядеть более достойно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.